

чества Айвы, протосеваста Перца, господина Тмина и других сановников. Господину Луку удается доказать несостоятельность обвинения. За ложный донос Виноградная Лоза должна подвергнуться наказанию, суть которого излагается василевсом: «Я проклинаю тебя, да возрыдаешь, и постановляю на вечные времена: на кривой хворостинке будешь ты висеть, ножи будут тебя резать и мужчины топтать, и кровь твою будут они пить, и от того захмелеют, и не будут видеть, {339} что они делают; и будут они болтать несвязные словеса, всяческую несуряцицу, словно бы твоя кровь навела на них порчу, Лоза, и будут они шататься, опираясь о стены, от одного хлева до другого; и валяться будут они, как осел валяется по траве, и, падая, заголять себе зады. На улицах будут они дрыхнуть, в грязи гваздаться, свиньи будут их обнюхивать и кошки облизывать. И бороды у них вылезут, и куры будут их клевать, они же и не почувют по причине крови твоей, о лживая Лоза!» (Памятники. IX—XIV. С. 410).

В «Псарологе» («Рыбослове») под председательством василевса Кита разбирается дело жалкой Макрели, обвиняемой в заговоре. Для Кита виновность Макрели несомненна, объявляется приговор: обрить бороду, отправить в ссылку. Рыбы одобряют приговор и славят Кита.

Наиболее интересная и, пожалуй, наиболее «византийская» из басен — это басня «Житие Осла» (несмотря на очевидное отличие в ней западных моделей для главных образов и ситуаций). В басне простота и доверчивость Осла, сбежавшего от жестокого хозяина, противопоставляются хитрости и лицемерию Лисы и Волка. Отправляясь на Восток в поисках судьбы, Волк занимает на судне место капитана. Лиса — кормчего, а Осел — гребца. Лиса рассказывает об ужасном сне, предвещающем кораблекрушение, и звери спешат исповедаться перед смертью. Отпустив друг другу тяжкие грехи, Волк и Лиса дают обет принять постриг на Святой горе. Осел старается вспомнить свои прегрешения: да было такое — как-то, голодный и обессиленный, он позволил себе съесть в хозяйском саду листочки салата, за что был жестоко наказан. Исповедь, по сути, превращается в суд, где каждое слово записывается, а прегрешения Осла оцениваются по статьям номоканона. Выносится приговор: выколоть глаз, отрубить руку, наконец, повесить. В критический момент, как и полагается простодушному, но смекалистому герою народной сказки, Ослу удается перехитрить злодеев. Он объявляет о том, что его копыто содержит магический дар, приобщиться к которому можно, лишь совершив молитву. После того как Осел заставляет Волка многократно повторить «Отче наш», он сильным ударом копыта сбрасывает Волка в воду, туда устремляется и Лиса. Враги за бортом. Хвала Ослу-победителю.

Воображение сказочников, баснописцев, оптимизм народной литературы могут вывести к благополучному концу из самых безнадежных положений. В жизни так не бывает. Надежда на чудо, способное отвлечь врага, взявшего в кольцо византийскую столицу, не сбывается.

Великая скорбь, вызванная падением Константинополя, выливается во всенародный плач, общегреческий тренос. Одной из главных тем литературы на долгие годы становится плач по Царьграду, облакаемый в поэтическую и прозаическую формы, в поэмы и стихи, диалоги и монологи. Это и анонимная поэма, изложенная в 118 строках «Плач по падению Константинополя», и поэма в 1045 строк «Взятие Константинополя», ошибочно приписываемая Эммануилу Георгиле, это и стихи «Жалоба св. Софии» и «Захват Константинополя», «Плач по героической смерти Константина Палеолога» и многое другое.

В литературном потоке, переполненном чувством безысходной скорби и отчаяния, звучат редкие ноты надежды, веры в возрождение поверженной и поруганной родины, из чего со временем родится главный — национально-патриотический — пафос новогреческой литературы. {340}

Дипломатия поздней Византии (XIII—XV вв.)

Соотношение дипломатических и военных функций как средств достижения внешнеполитических целей зависело в целом в поздней Византии от тех же факторов, которые, как и